

Косвенные свидетельства скорой кончины 49-летнего политика, а главное, его осведомленности о ней, появляются как раз летом 1911 года. Так, 28 июля 1911 г. Столыпин пишет А.П. Извольскому известное письмо, так похожее на завещание: «Нам нужен мир, война... будет гибельна для России и династии». И в конце снова: «Главное, сохраните мир»⁸.

Дочь покойного Мария Бок вспоминала, что в то последнее лето в своем имени Колноберже под Ковно он посетил всех друзей и знакомых, «побывал у всех, чего он в предыдущие годы не делал. — Будто хотел со всеми проститься»⁹. Не склонный прежде к мистическим переживаниям, Столыпин рассказал дочери, что ночью к нему явился покойный друг, чтобы поведать о своей кончине, тогда как телеграмма с сообщением была получена лишь на следующий вечер¹⁰. Перед отъездом в Киев Петр Аркадьевич признался, что никогда прежде ему не было так тяжело и неприятно уезжать.

Примечательна и мнимая беспечность премьера: собираясь в Киев, Столыпин отказался от охраны (жандармские подполковники К.К. Дексбах и Р.Ю. Пиранг остались в Петербурге), а бывший с ним адъютант штабс-капитан В.Е. Есаулов к охране отношения не имел¹¹.

К тому же и Распутин предрекал скорую гибель Столыпина. Якобы уже в Киеве, когда мимо «старца» проезжал премьерский экипаж, тот «вдруг затрясся весь... «Смерть за ним! Смерть за ним едет! За Петром, за ним...»¹².

В погоне за главным провокатором

Столыпин ехал в Киев, зная, что будет вскоре убит, и еще в начале августа 1911 г. он сам попросил о такой услуге самого Евно Азефа¹³. И это не фантазия, об этом двойной агент написал в августе 1912-го руководителю следствия Николаю Захарьевичу Шульгину. Прежде чем ознакомиться с этим удивительным текстом, посмотрим, в каких экстремальных условиях он был написан.

Именно в августе 1912 г. русский публицист Владимир Бурцев, заслуживший за свои разоблачения секретных сотрудников Департамента полиции («провокаторов царской охранки») прозвище «Шерлока Холмса русской революции», выследил свою главную жертву — Азефа, скрывавшегося от суда разгневанной общественности и мести бывших товарищей-эсеров в Германии. Хотя великий некогда провокатор интересовал Бурцева уже как исторический феномен, жертва разоблачения не могла не понимать, что вслед за беседой с интеллигентным Бурцевым последует и суровый партийный суд.

Местом свидания Азеф избрал Франкфурта-Майне, однако попросил у Бурцева неделю времени, чтобы отдать последние распоряжения. Азеф стремительно приводил дела в порядок: продал квартиру, застраховал свою жизнь

в пользу сыновей, написал завещание. Встреча состоялась 15 августа в час дня во франкфуртском кафе «Бристоль». Итогом многочасовых бесед стало не только удовлетворение любопытства Бурцева, но и предварительная договоренность о партийном суде над Азефом, который предполагалось организовать в Париже в срок до 3 декабря 1912 года. В случае вынесения этим судом смертного приговора провокатор выразил готовность самостоятельно привести его в исполнение в течение 24 часов. Он говорил лишь, что «не хочет умереть, не рассказавши правды»¹⁴. Но судьба оказалась милостива к Азефу, и в назначенный срок вопрос о суде так и не был решен. Никто не пожелал судить его, и великий провокатор снова вышел сухим из воды. Но от этой тревожной для него эпохи осталось послание Шульгину с признанием своей роли в киевском покушении.

Азеф прислушался к просьбе?

Если верить датировке хранящегося в ГА РФ письма, Азеф написал его через неделю после встречи с Бурцевым из того же Франкфурта. Содержание текста, публикуемого нами впервые, многих удивит.

Его Превосходительству сенатору

Н.З. Шульгину

Евно Азефа

Объяснение

В первых числах августа месяца 1911 года в Петербурге я был вызван к Петру Аркадьевичу Столыпину, который при личном свидании заявил мне следующее: «Пора бы перестать¹⁵ русскому общественному мнению метаться из стороны в сторону. Монархическая власть нам необходима как для внутреннего благоустройства и мирного преуспевания народов, населяющих Россию, так и для разрешения внешних задач. Имея авторитет всеобщий, основанный на исторических заслугах, освященный преданием и религией, — она олицетворяет моральную и физическую силу нашего государства. Ошибки прошлого и, главным образом, чужеземное влияние задержали развитие форм правления, соответствовавших потребностям времени. Вследствие того по нашей отсталости мы имели несчастливую Японскую войну и затем внутренний бунт. После заключения мира я в качестве первого министра драконовскими мерами возвратил внутренний порядок и остановил мятежи и разбои. Но карательные экспедиции, военные полевые суды, подавление восстания — связаны были с массой невинных жертв. Оставаясь в полной уверенности, что действия мои были согласны с долгом благоразумного и преданного слуги отечества, я нахожу, однако, вполне естественным чувство общественного негодования и жажду мести со сторо-

• 5

Евно Азеф.

• 6

Объяснительная записка Евно Азефа. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 668. Л. 38.